РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

УДК 82-65:821.161.1(091)

Т. Б. Фрик

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ФОРМЫ В ЖУРНАЛАХ Н. М. КАРАМЗИНА «МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ» И «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»

Эпистолярные формы, вошедшие в контекст «Московского журнала» и «Вестника Европы», рассматриваются как воплощение концепции Н. М. Карамзина-издателя, как репрезентант его творческого метода. Н. М. Карамзин активно разрабатывает поэтику частного, дружеского письма в своей издательской практике. В журнальных публикациях оценки и суждения издателя, сам его образ организуют читательское восприятие, играют роль образца, погружают в карамзинскую сферу духовных и интеллектуальных устремлений. Письмо становится идеальной формой сотворения адресата – читателя журнала, поскольку в нем формируется поведенческий эталон. Отмечается определенная динамика эпистолярной поэтики от «Московского журнала» к «Вестнику Европы». Делается вывод о том, что эпистолярность является важнейшей эстетической категорией, она во многом обусловливает глубокое внутреннее единство изданий Н. М. Карамзина.

Ключевые слова: *эпистолярная форма, журнал, Н. М. Карамзин, «Московский журнал», «Вестник Европы».*

Эпистолярная практика, нашедшая выражение в различных эпистолярных формах, является неотъемлемой составляющей культуры и литературы рубежа XVIII–XIX вв. Сложность и важность данного явления для понимания закономерностей развития словесного творчества не только в указанный период, но и в последующие эпохи объясняет интерес исследователей к различным проявлениям эпистолярности.

Важность обращения к личности Н. М. Карамзина, его творчеству, в частности эпистолярному, в контексте заявленной проблематики определяется вкладом писателя в творение русской культуры: «Помимо оригинальных идей Карамзин привносит в русскую культуру и совершенно новые дискурсивные модели, которые уже в самой своей структуре выражали позицию автора, по-особому организованную и воплощенную в смысловом пространстве текста» [1, с. 30].

В последние годы творческое наследие Н. М. Карамзина, в том числе и эпистолярное, достаточно активно изучается. Исследователями отмечается взаимообусловленность издательской и литературной деятельности писателя, взаимосвязь его прозы и издательских принципов, нашедших отражение в альманахах, «Московском журнале» и «Вестнике Европы». Литературное творчество Н. М. Карамзина, по мысли Т. А. Алпатовой, «осуществлялось как полностью самостоятельная не только художественная, но и издательская, а по сути – литературотворческая стратегия» [2, с. 6].

Эпистолярный жанр широко представлен как в журналистском, так и в литературном творчестве Н. М. Карамзина, однако до сих пор не сформировано комплексное представление о значимости эпистолярных форм в журналах, издаваемых писателем, о характере взаимосвязи его частной эпистолярной практики и литературной, в том числе издательской деятельности. Также требует внимания специфика эпистолярности как элемента карамзинской поэтики.

В контексте данной работы важно учитывать представление о частных письмах рубежа XVIII – первой трети XIX в. как о документе общения и взаимодействия людей, факте открытого поведения личности. Эпистолярный дискурс демонстрирует тенденцию к стилевому синкретизму, границы жанра размываются [3, с. 18]. Не случайно в контексте частной переписки складывается форма интеллектуально-эмоциональных писем, серьезность содержания, декларативность которых сближает их с жанрами хроники, памфлета, путевого очерка, философским трактатом и литературной рецензией [4, с. 48]. Конечно, эта особенность нашла отражение в личных письмах Н. М. Карамзина и его изданиях.

Яркой особенностью карамзинской издательской деятельности является установка на целостность, которая достигается прежде всего за счет единства авторской позиции. На страницах своих журналов Н. М. Карамзин выступает как образцовый автор, издатель, стремящийся воплотить в своих публикациях, объединенных в одном издании, определенную творческую стратегию [2, с. 6], а также поведенческую модель: «При всем своем разнообразии, все эти тексты могут восприниматься как единый монолог человека – писателя, реформатора и руководителя национальной культу-

ры» [1, с. 31]. При этом важно учитывать единство принципов выстраивания определенного поведенческого эталона как в контексте периодических изданий, так и в пространстве бытовых писем Н. М. Карамзина, который, с одной стороны, в частной переписке расширяет границы бытового письма до художественного и публицистического текста, а с другой стороны, активно разрабатывает поэтику частного, дружеского письма в своей журналистской и издательской практике. Таким образом, можно утверждать, что если, например, в пушкинском «Современнике», во многом воплотившем в себе карамзинские издательские принципы, важную роль в репрезентации позиции издателя играла дневниковая поэтика, поэтика частных записок (жанр дневника, записок – свидетеля происходящих событий – стал воплощением концепции журнала) [5], то в карамзинских периодических изданиях такую роль играют эпистолярные формы.

В журналах Н. М. Карамзина очень важна установка на искренность, для них характерен субъективизм, воплощающийся в своеобразном эмоциональном «сюжете», который во многом создается за счет работы с эпистолярной формой. Не случайно огромное количество публикаций в журналах, особенно в «Вестнике Европы», либо являются письмами, либо обозначаются издателем как письма. Письмо представляет собой интерактивную форму общения с читателями, позволяет вести с ними чувствительный диалог: «Обращение с письмом уже заранее предполагало готовность адресата понять и принять точку зрения, чувствования адресанта» [6, с. 76]. Определяющей как для частной переписки Карамзина, так и для писем, которые он публикует в своих журналах, является установка на уважение, доверие и взаимопонимание между автором и получателем письма, письмо – это факт дружеского общения, сопереживания и обмена мыслями.

Не случайно связующей нитью для «Московского журнала» становятся «Письма русского путешественника» – самая объемная, переходящая из номера в номер прозаическая публикация этого издания. В журнале формируется концепт путешествия, наиболее удачной и понятной жанровой формой для которого становится письмо. В этом смысле публикация «Писем русского путешественника» поддерживается включенными в «Московский журнал» фрагментами из сентиментального путешествия Стерна, а также обзорами книг-травелогов, выходящих в Европе. Установка на дружественное письмо, определение журнала как площадки для доверительного общения заявлена издателем в предуведомлении к первому номеру «Московского журнала»: «Путешественник, приятель мой, сообщает свои записки в письмах к семейству друзей своих» [7, ч. 1, с. 5]. Эпистолярный контекст, позволяющий установить диалог с читателями журнала, создать образ нового чувствительного героя времени поддерживается и другими материалами; при этом не важно, является ли Н. М. Карамзин автором той или иной публикации, общая структура и содержание «Московского журнала», безусловно, явились отражением творческого метода издателя, в котором эпистолярной форме отводится значимое место. В изданиях Карамзина, как и в частной эпистолярной практике писателя, письма воплотили сложное взаимодействие литературы и реальной жизни.

В «Московском журнале» достаточно большой объем приходится на дружеские стихотворные послания: «Филиде», «К Эвтерпе», «Мишеньке», «Его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымниковскому и проч., и проч. на взятие Измаила», «К прекрасной» и мн. др. Их наличие отвечает общей концепции журнала. Некоторые из этих посланий уже в номинации напрямую соотнесены с жанром письма, как, например, «Письмо к Прелесте», другие включают элементы эпистолярного жанра, датируются автором, соотносятся с конкретным местом и временем написания: например, послание «Мишеньке» Н. М. Карамзина имеет подпись «Лондон, июня 11, 1970». Журнал становится площадкой для частной переписки, в том числе и стихотворной, аккумулируя тем самым идею дружественности, а само послание, становясь фактом общественной жизни, воплощает в себе определенную поведенческую модель. Примером может послужить публикация поэтического фрагмента письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 17 ноября 1788 г., в котором, по словам автора, он «осмеливается греческим стихосложением воспевать хвалу своему другу» [8, с. 47]. Поэтическая часть этого письма («Многие барды, лиру настроя, // Смело играют, поют») публикуется Н. М. Карамзиным под названием «Господину*** в ответ на полученную от него Поэму» во второй книге «Московского журнала», при этом издатель для публикации все же обезличивает текст (в письме к И. И. Дмитриеву поэтическое послание адресуется Ивану Ивановичу [8, с. 6]), однако сам факт того, что эпистолярный контекст все же сохраняется, безусловно, значим: личный опыт, факт частной переписки двух поэтов трансформируется в литературный текст.

Опубликованные в «Московском журнале» стихотворные послания фиксируют ситуацию переписки, поддерживают идею чувствительного, доверительного диалога. Так, например, друг за другом в третьей части «Московского журнала» расположены стихотворные послания «Стихи госпожи А. Н.» с пометкой издателя о том, что они сообще-

ны неизвестной особой, и стихотворение «Ответ ее» [7, ч. 3, с. 128–131]. Идея дружественности, концептуальная значимость дружбы поддерживаются общим контекстом публикаций, в том числе и стихотворными посланиями («Филиде», «Истукан дружбы»).

Письма Н. М. Карамзина являются документом саморазвития и самовоспитания их автора и в то же время инструментом, позволяющим воплотить идею нравственного, духовного усовершенствования адресатов, их гражданского, патриотического воспитания. Поэтика эпистолярных публикаций в карамзинских журналах созвучна поэтике его частных писем. В журналах, как и в реальных письмах, оценки и суждения издателя, сам его образ организуют читательское восприятие, играют роль образца, погружают в карамзинскую сферу духовных и интеллектуальных устремлений.

В письмах, включенных в контекст «Московского журнала» и «Вестника Европы», наряду с образом идеального издателя формируется образ идеального читателя. Карамзин, используя эпистолярную форму подобно тому, как он это делает в собственных письмах, выстраивает образ идеального адресата-читателя посредством имитации живого общения за счет использования эпистолярных форм. В личной переписке Карамзина очевидным образом выделяются следующие стратегии создания образа адресата: оценочные суждения о поступках упоминаемых личностей, их чертах характера, нравственной, духовной стороны личности, которые в своей совокупности могут складываться в определенный поведенческий эталон друга, монарха, министра и др. и, очевидно, имеют своей целью повлиять на личность адресата, воспитать его. Те же стратегии используются Н. М. Карамзиным и в его журналах, при этом важно, что для воплощения своих идей издатель «Московского журнала» и «Вестника Европы» обращается к форме письма. Показательным в этом смысле является сюжет, связанный с письмами помещиков, начатый в «Московском журнале», а затем активно развиваемый в «Вестнике Европы».

В третьей книжке первой части «Московского журнала» было опубликовано «Письмо к…» под названием «Сельский праздник и свадьба». Публикация также включала указание на место и дату написания: Село …ское, 3 окт. 1790 [7, ч. 1, с. 292–308]. Еще В. В. Виноградов, доказывая авторство Н. М. Карамзина, отмечал автобиографичность публикуемого письма: зашифрованное в названии село Знаменское, в котором располагалась помещичья усадьба Плещеевых, совпадение даты с временем пребывания там Карамзина, действующих лиц письма с реальными жителями усадьбы и пр. Идеологическую основу публикации исследователь формулирует как «идеал помещичьего равноправия в представлениях новиковского кружка» [9, с. 350]. Для данной работы особенно интересны наблюдения над жанровыми особенностями карамзинской публикации; по мнению В. В. Виноградова, «это картина *индивидуального* и вместе с тем *идеального* быта деревни»; «это *эпистолярно-этнографический очерк*» (курсив мой. – *Т. Ф.*) [9, с. 352]. Именно это соотнесение идеального и индивидуального в письме, а также теснейшая взаимосвязь жанра частного, бытового письма с другими, преимущественно публицистическими и литературными жанрами, является отличительным признаком карамзинской издательской, литературной, а также частной эпистолярной практики. Исходя из этого, вполне логично в одном контексте рассматривать «Письма русского путешественника», различные «письма» издателя, а также его частную дружескую переписку и ставить вопрос о роли эпистолярной формы как репрезентанта индивидуально-авторского метода Н. М. Карамзина.

Письмо как идеальная форма диалога с читателем особенно активно используется Н. М. Карамзиным в «Вестнике Европы». В журнал вошло внушительное количество писем к издателю, «написанных» помещиками, дворянами из разных уголков России (при этом известно, что их реальным автором является издатель журнала), и ответов, а также обращений издателя к своим читателям. «Письма», опубликованные в журнале, максимально приближены к форме и стилистике частных писем, и именно в них, как в личных текстах, описывающих индивидуальную ситуацию, закрепляется и транслируется идеальный, с точки зрения издателя, поведенческий формат. Так, идея духовного равноправия людей реализуется в образе идеального помещика из «Сельского праздника и свадьбы»; в свою очередь это письмо очевидным образом корреспондирует с «Письмом сельского жителя», опубликованным в семнадцатом номере «Вестника Европы» за 1803 г. «Автор» данного письма размышляет о том, что «главное право русского дворянина быть помещиком; главная должность его быть добрым помещиком; кто исполняет ее, тот служит отечеству, как верный сын, тот служит монарху как верный подданный, ибо Александр желает счастья земледельцам» [10. 1803. № 17, с. 58–59]. Эту идеологию Н. М. Карамзин воплощает в реальной жизни, совершая «сельские подвиги» во имя земледельцев, о чем свидетельствуют его частные письма. Интересным в этом отношении представляется карамзинское письмо к его бурмистру от 6 апреля 1826 г.: письмо написано чужой рукой, но характер правок, вносимых Карамзиным, демонстрирует его последовательность в проведении в жизнь означенных выше идей, а

также в реализации образа доброго помещика, который, являясь фактом русской культуры, находит отражение в реальной поведенческой практике писателя [11, с. 114].

Исследователями письмо «Сельский праздник и свадьба» и «Письмо сельского жителя» в большей степени анализируются с позиции идеологии Н. М. Карамзина, а также стилистических и этнографических особенностей. Вопрос о принципиальности именно эпистолярной формы для данных текстов акцентируется мало, воспринимается как данность, определенная общекультурным контекстом эпохи. Тогда как более внимательный взгляд на издания, в которых публикуются эти письма, позволяет увидеть очевидную ориентацию Карамзина на эпистолярную форму для решения определенных издательских и авторских задач.

Так, письмо о сельском празднике и свадьбе и «Письмо сельского жителя» встраиваются в череду «писем» о доброте, просвещенности, благих делах, регулярно публикуемых издателем в «Вестнике Европы». Посредством данных писем формируется и развивается сюжет человеколюбия, доброты. Публикации не только корреспондируют по тематике, в них выстраивается определенная сюжетная линия со своими героями и коллизиями. Их необходимо рассматривать как послания издателя журнала к читающей публике, задача которых реализовать его просветительскую, гуманистическую, воспитательную идею. В образах «авторов» публикуемых писем, героев их историй отражается его представление об идеальной модели поведения доброго россиянина, патриота, гражданина, человека.

Через письмо передается идея о важности человеколюбия и просвещения. Сама форма дружеского диалога позволяет реализовываться авторской концепции. Не случайно в первом номере «Вестника Европы» в «Письме к издателю» Н. М. Карамзин напишет: «Советую тебе быть не столько осторожным, сколько человеколюбивым» [10. 1802. № 1, с. 7], а словами одного из «авторов» в письме «Благодетельный врач в Малороссии. Письмо к издателю» сформулирует свою издательскую позицию: «Вы доказываете любовь свою к отечеству, извещая публику о действиях, нравах и жизни людей ему принадлежащих и поистине заслуживающих внимание друзей человечества. Добродетель любит скрываться; но справедливое народное славолюбие требует, чтобы мы, оскорбляя даже скромность ее, иногда выводили ее на сцену» [10. 1803. № 21, с. 88].

Важно отметить работу издателя с заглавиями публикуемых «писем»; не случайно в «Вестнике Европы» появляются материалы со следующими названиями: «Великодушное дело тверского дворянина. Письмо к издателю»; «Великодушное дело русского офицера в Италии. Письмо к издателю Вестника, переведенное с французского»; «Письмо к издателю. Великодушие поступков»; «К благотворительной незнакомке от издателя» и др. Как уже было отмечено, в этих письмах разворачиваются сюжеты добрых дел, истории переходят из номера в номер. Так, рассказ из публикации «Скромное благодеяние. Письмо к издателю вестника из Киева», включенный в двенадцатый номер «Вестника Европы», получает продолжение в «Письме к издателю», размещенном в шестнадцатом номере журнала: имя скромного героя становится известным читателю. Такой же историей с продолжением является и письмо «К благотворительной незнакомке от издателя» [10. 1803. № 20, с. 289], рассказывающее о женщине, которая пожертвовала свои деньги для помощи бедной старушке. Здесь, безусловно, проявилась определяющая для журналов рубежа XVIII–XIX вв. установка на литературоцентричность, которая нашла отражение в том числе в многосторонней разработке проблемы героя времени [12, с. 83]. Череда представленных в письмах поступков складывается в определенный поведенческий идеал. Н. М. Карамзин создает образ героя времени, героизм которого заключается в благотворительных делах, бескорыстной любви к человеку. Письмо является идеальной формой сотворения другого, в данном случае через образец чужих поступков. В журналах Н. М. Карамзина героями времени становятся благодетельный врач, добродетельная княгиня, сельский житель, справедливый и чувствительный монарх. Все они, по мысли издателя, входят в галерею великих россиян [10. 1803. № 21, с. 92]. Словами «автора» одного из таких писем выражена издательская позиция: «Различные состояния в России соединяются общею любовью к отечеству <…> благо одного есть удовольствие другого <…> Будем храбрыми солдатами, хорошими земледельцами, умными и честными купцами, в душе и чувствах благородными дворянами <…> а более всего будем хорошо воспитывать детей наших!.. и скоро русской под скипетром Александра никому не позавидует!» [10. 1802. № 8, с. 359, 365].

Публикации, определяемые издателем как письма, занимают большой объем в «Вестнике Европы»: в каждом номере встречается от трех до восьми подобных материалов. В отличие от «Московского журнала» они преимущественно прозаические. Это письма читателей к издателю и письма издателя, реальные письма исторических и известных личностей («Письмо французского министра полиции к Бонапарте», «Два письма Екатерины Великой» и др.). Большой блок составляют письма из европейских городов («Письмо из Парижа»,

«Письмо из Амьеня от 28 марта», «Письмо из Балтимора», «Письмо из Милана», «Письмо из Землина» и мн. др.), которые являются переводами из различных европейских журналов, выполненными издателем.

В «Вестнике Европы» остается актуальной идея, выраженная в словах Морица из «Писем русского путешественника»: «Все идеи, полученные из книг, можно назвать мертвыми в сравнении с идеями очевидца» [7, ч. 2, с. 43]. Не случайно в журнале издатель публикует большое количество разнообразных писем путешественников: «Письмо русского путешественника из Парижа» (о связи этого текста с «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина см. [13]); «Письмо русского путешественника из Берлина»; «Путешествие вокруг Москвы. Письмо первое из Коломны от 14 сентября»; «Маринская республика. Письмо одного немецкого путешественника в 1801 г.», «Письмо одного путешествующего американца из Екатеринограда», «Письмо французского путешественника» и др.). Нет никакого сомнения в том, что отнесение той или иной публикации к жанру письма является концептуальным для издателя «Вестника». Ориентация на письмо как на эгодокумент позволяла ему сохранить идею взаимосвязи индивидуального и общественного, сформировать информационный и идеологический стержень журнала.

В эпистолярных публикациях, размещенных в журналах, нашли отражение близкие Карамзину размышления о человеческой природе. Представляя «Психологический журнал» и перевод из него статьи «Чудной сон», издатель особо отмечает тематику этого издания, которое публикует все, «что относится к интересному знанию человека и что может нам более объяснить самих себя, нашу душу, наше сердце») [7, ч. 1, с. 194]. Не случайно Н. М. Карамзин публикует перевод писем Беля и Шафстбери, которые раскрывают представления философов о волнующих издателя философских проблемах человеческого бытия, отразившихся в его личной переписке, например, с Лафатером.

Ориентация Н. М. Карамзина на эпистолярность проявилась в различных стратегиях презентации материалов в журнале. Издателем сохраняются, а в случае с фикциональными письмами создаются формальные элементы письма: дата, место написания, этикетные формы приветствия и прощания, апелляция к адресату. Письмо в «Вестнике Европы» становится своеобразным новостным жанром, документом, который несет актуальную информацию. Не случайно, публикуя свои переводы материалов из иностранных журналов, Н. М. Карамзин в названии указывает на эпистолярное происхождение документа даже в тех случаях, когда источник письмом не являлся [14].

Наблюдается определенная динамика эпистолярной поэтики, нашедшей отражение в рассматриваемых карамзинских изданиях. В «Московском журнале» можно отметить некоторый перевес дружественности и чувствительности, что позволяет соотнести его материалы с ранними дружескими письмами Карамзина. В «Вестнике Европы» эпистолярные публикации более декларативны, их поэтика сродни поэтике писем Н. М. Карамзина монаршим особам, вельможам, должностным лицам, они более публицистичны. Однако при этом очевидно, что Карамзин как издатель последовательно сохраняет общие принципы создания своих текстов, одним из которых является активное использование эпистолярной поэтики.

Письмо как сюжетообразующий элемент карамзинских журналов позволяло их издателю установить непосредственный контакт с читателем, а «чужие» письма стали репликами в организованном издателем диалоге, поводом для издательских размышлений. Для Карамзина эпистолярность, безусловно, является важнейшей эстетической категорией, она во многом обусловливает глубокое внутреннее единство карамзинских изданий и демонстрирует его творческий метод.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00179.

Список литературы

1. Гончарова О. М. Национальная традиция и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века: автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2004. 39 с.
2. Алпатова Т. А. Издательская стратегия Н. М. Карамзина и проблемы поэтики повествования // Филоlogos. 2012. Вып. 13 (2). С. 5–10.
3. Курьянович А. В. Эпистолярная картина мира: к вопросу определения понятия // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 2 (143). С. 16–20.
4. Марасимова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). М.: РОССПЭН, 1999. 302 с.
5. Фрик Т. Б. «Современник» А. С. Пушкина как единый текст. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2009. 192 с.
6. Сапченко Л. А. Эпистолярный жанр в карамзинском наследии // Гуманизация и гуманитаризация образования XXI века. Проблемы современного образования: материалы 13-й Междунар. науч.-метод. конф. памяти И. Н. Ульянова (18–19 октября 2012 г.). Ульяновск, 2012. С. 75–80.
7. Московский журнал. 1791. Ч. 1–3.

8. Сукайло В. А. Труды и дни Ивана Дмитриева. Кн. 1. Хроника. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. 960 с.
9. Виноградов В. В. «Сельский праздник и свадьба» (Неизвестное письмо Карамзина к другу из деревни Благополучной) // Проблема авторства и теория стилей. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1961. С. 339–365.
10. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. 1802–1803. Ч. I–XII.
11. Русская старина. 1884. Т. XLII. 714 с.
12. Киселев В. С. Статьи по теории и истории метатекста (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века). Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 108 с.
13. Рудикова Н. А. «Русский парижанин» Василий Львович Пушкин // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2010. Вып. 8 (98). С. 28–32.
14. Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802–1803 гг.) // XVIII век. Сборник 17. СПб.: Наука, 1991. С. 249–280.

Фрик Т. Б., кандидат филологических наук, доцент.
Томский политехнический университет, Институт международного образования и языковой коммуникации.
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.
E-mail: tfrik@tpu.ru

Материал поступил в редакцию 27.10.2015.

T. B. Frik

EPISTOLARY FORMS IN N. M. KARAMZIN'S MAGAZINES: "THE MOSCOW MAGAZINE" AND "BULLETIN OF EUROPE"

The epistolary forms which entered a context of "The Moscow magazine" and "The Bulletin of Europe" are considered as an embodiment of the concept of N. M. Karamzin – the publisher, as a reprezentant of his creative method. N. M. Karamzin actively develops poetics of the private, friendly letter in the journalistic and publishing practice, thus the poetics of epistolary publications in Karamzin magazines is conformable to poetics of his private letters. In magazines, also as well as in private letters, estimates and judgments of the publisher, his image itself organize reader's perception, play a sample role, immerse in the Karamzin sphere of spiritual and intellectual aspirations. The letter as a plot forming element of Karamzin magazines allowed their publisher to come into direct contact with the reader, and "someone else's" letters became remarks in the dialogue organized by the publisher, a reason for publishing reflections. The letter becomes an ideal form of creation of the addressee – the reader of the magazine as in it the behavioural standard is formed. Certain dynamics of epistolary poetics from "The Moscow magazine" to "the Bulletin of Europe" is noted. The conclusion is that the epistolary is the major esthetic category, it in many respects causes deep internal unity of editions of N. M. Karamzin.

Key words: *epistolary form, magazine, N. M. Karamzin, "The Moscow magazine", "Bulletin of Europe".*

References

1. Goncharova O. M. *Natsional'naya traditsiya i "novaya Rossiya" v literaturnom soznanii vtoroy poloviny XVIII veka.* Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [National tradition and "new Russia" in literary consciousness of the second half of the XVIII century. Abstract of thesis dokt. of phil. sci.]. St. Petersburg, 2004. 39 p. (in Russian).
2. Alpatova T. A. Izdatel'skaya strategiya N. M. Karamzina i problemy poetiki povestvovaniya [Publishing strategy of N. M. Karamzin and problem of poetics of a narration]. *FILOLOGOS – PHLOLOGOS*, 2012, no. 13 (2), pp. 5–10 (in Russian).
3. Kur'yanovich A. V. Epistolyarnaya kartina mira: k voprosu opredeleniya ponyatiya [Epistolary picture of the world: to a question of definition of concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, vol. 2 (143), pp. 16–20 (in Russian).
4. Marasimova E. N. *Psikhologiya elity rossiyskogo dvoryanstva posledney treti XVIII veka (Po materialam perepiski)* [Psychology of elite of the Russian nobility of the last third of the XVIII century (On correspondence materials)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 302 p. (in Russian).
5. Frik T. B. *"Sovremennik" A. S. Pushkina kak edinyy tekst* [A. S. Pushkin's "Contemporary" as uniform text: monograph]. Tomsk, Publ. of Tomsk polytechnic university, 2009. 192 p. (in Russian).
6. Sapchenko L. A. Epistolyarnyy zhanr v karamzinskom nasledii [Epistolary genre in Karamzin heritage]. *Gumanizatsiya i gumanitarizatsiya obrazovaniya XXI veka. Problemy sovremennogo obrazovaniya: Materialy 13-y Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii pamyati I. N. Ul'yanova* [Humanization and humanitarization of formation of the XXI century. Problems of modern education: Materials of the 13th International scientific and methodical conference in memory of I. N. Ulyanov]. Ul'yanovsk, 2012. Pp. 75–80 (in Russian).
7. *Moskovskiy zhurnal* [Moscow Journal]. 1791. Vol. 1–3 (in Russian).

8. Sukaylo V. A. *Trudy i dni Ivana Dmitrieva. Kniga 1. Khronika* [Works and days of Ivan Dmitriyev: Book 1. Chronicle]. Ul'yanovsk, Korporatsiya tekhnologiy prodvizheniya Publ., 2010. 960 p. (in Russian).
9. Vinogradov V. V. "Sel'skiy prazdnik i svad'ba" (Neizvestnoye pis'mo Karamzina k drugu iz derevni Blagopoluchnoy) ["A rural holiday and a wedding" (The unknown letter of Karamzin to the friend from the village Safe)]. *Vinogradov V. V. Problema avtorstva i teoriya stiley* [Problem of authorship and theory of styles]. Moscow, Gos. izd-vo khud. lit. Publ., 1961, pp. 339–365 (in Russian).
10. *Vestnik Evropy, izdavaemyy Nikolaem Karamzinym* [Europe Bulletin, published by Nikolay Karamzin]. 1802–1803. XI–XII. 1802–1803. Vol. I–XII (in Russian).
11. Russkaya starina [Russian old]. 1884. Vol. XLII. 714 p. (in Russian).
12. Kiselev V. S. *Stat'i po teorii i istorii metateksta (na materiale russkoy prozy kontsa XVIII – pervoy treti XIX veka)* [Articles according to the theory and history of the metatext (on material of the Russian prose of the end of XVIII – the first third of the XIX century)]. Tomsk, TSU Publ., 2004. 108 p. (in Russian).
13. Rudikova N. A. "Russkiy parizhanin" Vasiliy Lyuvovich Pushkin ["The Russian Parisian" Vasily Lyuvovich Pushkin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2010, vol. 8 (98), pp. 28–32 (in Russian).
14. Kafanova O. B. Bibliografiya perevodov N. M. Karamzina v "Vestnike Evropy" (1802–1803 gg.) [The bibliography of the translations of N. M. Karamzin in "the Bulletin of Europe" (1802–1803)]. *XVIII vek. Sbornik 17* [XVIII century. Collection 17]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. Pp. 249–280 (in Russian).

Frik T. B.
Tomsk Polytechnic University, Institute of the International Education and Language Communication, Chair of Russian as Foreign.
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: tfrik@tpu.ru